

УДК 801.73

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-5/1-83-92

ГРИШИН Сергей Николаевич

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Липецк, Россия
isgr1974@mail.ru

Sergey N. GRISHIN

Belgorod State National Research University
Lipetsk, Russia
isgr1974@mail.ru

**герменевтический реализм
(РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ КЕВИНА ДЖ.
ВАНХУЗЕРА «ИСКУССТВО ПОНИМАНИЯ
ТЕКСТА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЭТИКА И
ТОЛКОВАНИЕ ПИСАНИЯ»)**

**HERMENEUTIC REALISM (REFLECTIONS
ON THE BOOK OF KEVIN J. VANHOOZER
«THE ART OF UNDERSTANDING THE TEXT.
LITERARY ETHICS AND THE
INTERPRETATION OF SCRIPTURE»)**

В статье на основе герменевтического анализа книги К.Дж. Ванхузера «Искусство понимания текста. Литературоведческая этика и толкование Писания» автор приходит к выводу, что в век информационных войн современному человеку как никогда жизненно необходимо научиться различать и более или менее адекватно понимать авторские смыслы любых текстов для того, чтобы руководствоваться ими в своей деятельности, а не сиюминутными эмоциональными переживаниями и красивыми словами. Доказывается, что для выявления читателем (собеседником) авторского смысла текста необходимо учитывать и лексику авторских высказываний, и эмоциональный фон психического состояния автора, и контекст его речевого потока, и его социальное положение, но при этом все эти составляющие необходимо уметь верно складывать в конкретный авторский контекст, подобно тому, как в детском конструкторе одни и те же детали, представляя собой одно и то же в отдельности, при различном комбинировании могут выражать совершенно разный смысл. По мнению автора, герменевтические знания и навыки комбинировать и сопоставлять и воспринятый лично речевой поток собеседника, и его социально-историческую действительность, и собственные психологические данные, то есть развитая герменевтическая культура личности, позволяют нам избегать обычно повторяющихся ошибок, которые устанавливают только барьеры в межличностном общении людей и препятствуют постижению любого конкретного авторского смысла текста.

In article on the basis of hermeneutic analysis of the book of Kevin John Vanhoozer "The art of understanding of the text. Literary ethics and the interpretation of Scripture", the author comes to the conclusion that in the age of information warfare to modern man as ever, it is vital to learn to distinguish and more or less adequately understand the author's meanings of any text in order to govern their activities, and not a momentary emotional experiences and beautiful words. We prove that to identify the reader (source) the author's meaning of the text must take into account language copyright statements, and emotional background of the mental state of the author, and the context of his speech and his social status, but all these components need to be able to correctly put in a particular author's context, just as in the children's designer, the same parts constituting one and the same individually, in various combination can Express a completely different meaning. According to the author, hermeneutic knowledge and skills to mix and match and received personally the voice stream of the caller, and the socio – historical reality, and their own psychological data, we have developed the hermeneutic culture of personality, will allow us to avoid recurrent mistakes that only install barriers in interpersonal communication and impede the attainment of any particular author's meaning of the text.

Ключевые слова: герменевтика, герменевтическая культура личности, авторский смысл текста, контекст речевого потока, социально-историческая действительность, межличностное общение.

Keywords: hermeneutics, hermeneutic culture, identity, authorial meaning of the text, the context of the speech stream, the socio – historical reality of interpersonal communication

К размышлениям на тему «Что такое герменевтическая культура личности и какими средствами ее можно развивать» автора статьи привело повседневное общение с людьми в качестве священника. Из своей многолетней практики разрешения спорных и насущных проблем у прихожан он знает, что некоторые люди приходят к священнику с уже готовым решением в голове. Для них мнения третьего лица не существует. События и факты они излагают субъективно предвзято таким образом, что весь текст своих высказываний и убедительный фон эмоциональных переживаний используют, чтобы озвучить устами священника лишь собственное осмысление проблемной ситуации. Такие люди, можно сказать, вырывают из уст собеседника свое видение предмета разговора. О них можно сказать: хорошо могут сбить с толку. Другие, наоборот, ждут чужих указаний на каждый час и каждый шаг своей деятельности, готовы согласиться с любым догматическим мнением, перекладывая тем самым собственную ответственность и готовность принимать решения по какому-либо проблемному вопросу на чужую голову. Характеристику других категорий людей, обращающихся за помощью к духовному наставнику, можно было бы продолжить.

Однако, по наблюдению автора, можно отметить, что всех их объединяет одно специфическое свойство: они обращаются за помощью к священнику потому, что сами не способны решать свои проблемы. При этом логично возникают вопросы: почему эти люди, находясь в своей сложной жизненной ситуации, не могут из нее благополучно выйти, а священник, не обладая

объективными сведениями, **руководствуясь только текстом тех, которые «хорошо могут сбить с толку»** (выделено мной – С.Г.), должен давать им ответы здесь и сейчас? Какими законами познания должен он руководствоваться, на какой основе расширять и углублять свои знания о человеческой личности и ее герменевтической культуре для решения жизненно важных проблем?

Первая аналогия и сравнение, которые, как представляется, уместно применить здесь, – это пример с ребенком. Он хочет есть и громко кричит: многим понятно, и в первую очередь матери, что ему хочется есть или у него что-то болит. И для того чтобы понять ребенка в такой ситуации, нет нужды заниматься переводом слов с иностранного языка, анализировать этимологию (первоначальное происхождение) и терминологию (возможные словарные значения) слова «мама», которое он научился говорить, собирать различные впечатления отдельных людей, что значит именно для них этот крик и умножать слова, которые эти разнообразные мнения выражают. Авторский смысл крика ребенка кажется таким очевидным как для матери, так и для его окружающих, что и без слов, и без набора индивидуальных смысловых реакций, имеющих «право на свободную интерпретацию индивидов», и так становится понятным желание ребенка в определенный момент действительности.

В связи с этим, руководствуясь анализом вышеуказанной книги К. Ванхузера, автор статьи выдвигает гипотезу о том, что вовсе не речевой поток с его грамматическими особенностями доставляет читателю или слушателю текста знания о проблеме нуждающегося человека. Он предполагает и намерен доказать, что лексические и грамматические особенности текста только указывают на конкретные смыслы говорящего автора, ориентируют на них. Задача же, на которую нацелен наш разговор, заключается в том, чтобы доказать, что в основании любого текста лежит авторский смысл и жизненно важно для каждого из нас научиться владеть искусством его постижения, так сказать, искусством видения авторского смысла сквозь смысл грамматический.

Разумеется, что для решения проблемы прихожан священника интересует отнюдь не смысл текста как таковой, а смысл из текста. Знания текста и знания из текста не одно и то же. Последнее понятие – более глубокое, и оно указывает на предмет нашего исследования. Мы исследуем возможность проникновения в авторский смысл, который, конечно же, существует в конкретной исторической ситуации речевого общения людей.

Так вот, когда в эпоху постмодернизма усилиями разрушителей авторских смыслов громко звучали претензии на признание права самовлюбленной личности читателя свободно интерпретировать авторские смыслы, тогда и обозначилась одна очень важная проблема, навязанная нашему обществу: привычка читателей не вступать в личностную связь с автором. Такое положение дел в конечном итоге поставило человека в замкнутое пространство его виртуального мира наедине с читательской бессмыслицей, ограничив право его общения с автором. А нарушение такого права есть нарушение фундаментального условия существования самого человека как существа общественного.

Результатом такой пропаганды стало то обстоятельство, что сегодня все чаще на практике священнику, учителю, врачу или чиновнику даже в голову не приходит устанавливать личностный контакт с человеком, который обращается к нему за помощью. Нас более интересуют отчеты и слова, но не авторские смыслы, а это значит, что смысловая природа личности читателя, его герменевтическая культура не совершенствуется, а деградирует. В нашей жизни новостной дискурс и риторика занимают центральное место потому, что в межличностных коммуникациях нас интересуют больше собственные значения привычных и приятных текстов, но не авторские смыслы наших собеседников. Такое состояние человеческих душ можно назвать болезненным.

В связи с этим по поводу «болезни» значительной части обычных людей современного общества можно вынести следующие диагнозы – «шизофрения» самовлюбленной индивидуальности и «импотенция» к межличностному общению. Личность другого человека и ее авторский смысловой мир нам не интересны, нас интересует только собственное «я». Обычно эта болезнь выражается в постоянном желании людей в практике своего общения подменять процесс проникновения читателем в авторский смысл текста процессами поверхностного выявления грамматических смыслов текстов (лингвистическое знание текста, терминологии слов и их этимологии) или процессами выявления психологических значимостей от пережитых ими «правильно поданных» новостных потоков (разнообразная значимость и индивидуальная оценка знаний текста). Однако естественным было бы, прежде чем собирать «в один постмодернистский котел» различные психологические значимости и лингвистические тонкости, вначале определиться, по поводу какого конкретного авторского смысла их надо собирать. Другими сло-

вами, прежде чем углубляться в тонкости языкознания и психологии, логично было бы прежде всего определить конкретный авторский смысл текста, а уж потом отстаивать права и свободы разного уровня интерпретаторов, более или менее хорошо владеющих языком.

Интересно отметить, что еще Блаженный Августин, предвидя заблуждения противников герменевтического реализма по поводу их желания «слить в один котел» сразу несколько проблем использования значения знаков и понимания смыслов текстов, предупреждал о том, что это приведет людей нашего общества в состояние смыслового нигилизма, к хаосу смыслов и знаков, к полной обособленности мыслящих и говорящих людей от реальности. И это состояние современного человечества очень успешно используется идеологами информационных войн.

Поэтому автор и предлагает подумать над важной проблемой смыслового нигилизма у современных людей и попытаться объяснить, при каких условиях возможно более или менее адекватное понимание авторского смысла текста для решения жизненно важных задач. Методом нашего рассуждения будет анализ книги Кевина Дж. Ванхузера «Искусство понимания текста. Литературоведческая этика Писания».

Итак, основываясь на утверждении К. Ванхузера о том, что уверенно и ясно может говорить лишь тот человек, который сам четко видит авторский смысл, даже если этот смысл заключается в пропаганде разрушения первоначального авторского смысла, необходимо выдвинуть тезис: у текстов есть авторы, и именно поэтому они могут обозначать что угодно. Сами по себе слова без автора не имеют смысла до тех пор, пока кто-то их не употребит в определенном значении. Это подтверждается тем, что постмодернисты, отрицая авторский смысл текста, успешно пользуются им, на словах отрицая его существование. Отсюда следует вопрос: если воля автора ограничивает возможности интерпретации читателя, поскольку текст задуман им так, а не иначе, то при помощи какого средства и каким образом читатель может адекватно постигать авторский смысл?

Вот как на эти вопросы отвечает К. Ванхузер, ссылаясь на Платона: «Проблема в том, что люди часто используют слова по-разному, и потому слова сами по себе не могут отразить природу вещей» [1, с. 28]. «Умелое использование языка еще не ведет к истине» [1, с. 42]. «Слова сами по себе не истины и не ложны; но предложения – язык в использовании, язык и дискурс – соединяют слова в "синтез, который выходит за пределы слов"» [1, с. 171]. Здесь уместно привести сравнение. Согласно теории относительности А. Эйнштейна, от того, какую позицию наблюдателя мы заняли, в каком положении находимся и в каком направлении движемся, и зависит практика видения нами собственного субъективного смысла и использования слов для его выражения. Это сравнение доказывает, что сами по себе слова текста есть средства выражения ранее отраженных и выявленных смыслов. В противном случае, если согласиться с утверждением Р. Рорти, как он об этом пишет в своей книге «Лингвистический поворот», каждый из нас, будь он учитель, врач или чиновник и т.п., будет «подходить вольно к миру с любым количеством "лексических наборов" или образов мышления и речи, с желанием заменить стремление к познанию искусством ведения разговора, то есть риторикой» [1, с. 43] то и в своей деятельности, если он, к примеру, врач, то начнет лечить своего пациента, больного сердцем не от реальной болезни, а от надуманной, и «красивыми словами» выпишет ему бессмысленные рецепты, которые на практике не приведут ни к чему.

При этом автор статьи для сравнения предлагает обратить наше внимание на тот факт, что обсуждение подобных вопросов было уже давно отражено и в творчестве отцов-учителей Православной Церкви, которые жили задолго до нашего времени. Например, Святитель Василий Великий еще за полторы тысячи лет назад отверг разделение имен или понятий на онтологически значимые и пустые. Согласно его учению, «все понятия и имена, которыми пользуются люди, существуют не просто так, они создаются людьми с определенной целью. Если эти понятия позволяют человеку так или иначе познавать окружающий мир, ориентироваться в этом мире, если они позволяют человеку анализировать окружающую действительность (а это действительно так – без понятий мы не можем логически рационально выразить свой опыт), то эти понятия не являются пустыми, они несут на себе определенную смысловую нагрузку, и в силу этого никаких абсолютно пустых понятий, которые бы не давали нам никакого знания, просто не существует. Точно так же, как не существует пустых, ничего не значащих понятий, невозможно принять и теорию так называемых софийных имен, то есть некоторых понятий, которые заключали бы в себе наиболее точное выражение сущности вещей» [5, с. 40]. Вот почему постмодернисты и говорят: «Мы никогда не сможем вырваться за пределы языка, стать выше его и обеспечить соответствие наших слов реальному миру» [1, с. 43].

В свою очередь, автор статьи полагает, что, наоборот, для проникновения в авторский смысл текста нужно преодолевать пределы языка, используя его как один из элементов для построения нужного контекста в определении того, что именно автор имел в виду. Иными словами, для выяснения авторского смысла, конечно же, важен дискурс и его лексический смысл, но не только он. Как связующее звено речевого акта, дискурс может направлять внимание читателя при его желании вступить в контакт с личностью автора к единственному и подлинному источнику авторских смыслов – к автору. При этом важно подчеркнуть, что если личностной связи между автором и читателем не будет достигнуто, то с неизбежностью произойдет путаница смыслов и их названий. Например, одним и тем же именем или выражением можно указывать на совершенно разные объекты и, наоборот, один и тот же объект и его смысл можно выражать различными словами и грамматическими конструкциями. Упомянутый выше святитель Василий Великий так говорил о исследуемой нами проблеме: «Наше понимание немощно, а язык наш еще менее совершен» [5, с. 4]. Поэтому для проникновения в смысл авторского высказывания читателю прежде всего необходимо вступить в личностное общение с автором, сделать, так сказать, шаг от сущности навстречу к ипостаси. Примечательно, что различие между «сущностью» и «ипостасью», введенное святителем Василием Великим как между общим и частным, было основано на том, что Аристотель называл «первой сущностью» (это стало называться термином «ипостась»), и на том, что у него называлось «второй сущностью» (это стало называться собственно «сущностью»).

Вместе с тем читателю необходима, конечно же, и верная оценка психологического состояния личности автора, а также адекватная собственная самооценка. Это значит, что внимание читателя (слушателя) в поиске смысла текста должно сосредоточиваться не на эмоциональном переживании автора речевого потока или собственном эмоциональном состоянии, а на объекте этих переживаний. Следовательно, в процессе понимания текста постоянно необходимо иметь в виду именно авторский смысл, а не его производные. Это принципиально важно. Учитывая психическое состояние автора, читателю необходимо выявить авторский смысл и различить для себя значимость этого смысла, то есть собственную рефлекссию, собственное психическое состояние. Дело в том, что сама по себе значимость сути дела, насколько это важно для говорящего и для слушающего, выражаемая их эмоциональными состояниями и набором знаков и слов в тексте, о которых мы говорили выше, сама по себе еще смыслов не обозначает. Однако вместо сосредоточивания внимания на авторском смысле читатель, как правило, поверхностно увлекается именно чужими и собственными эмоциями, а также дискурсом, не имеющими ничего общего с авторским смыслом текста. В таком случае эмоции и слова направляют процесс понимания вовсе не в сторону постижения авторского смысла.

На этом этапе нашего рассуждения уместно провести различие двух понятий: значимости и значения авторского высказывания. Значимость – это эмоциональный фон и заинтересованность автора по поводу сути разговора, а значение – это то, что он имеет в виду (смысл) и по поводу чего он и его читатель переживают. Иными словами, внимание читателя должно пробиваться сквозь дискурс автора и собственные эмоциональные переживания непосредственно к выявлению авторского варианта видения сути дела (разговора), то есть к значению. При этом необходимо различать еще и общественно принятые значения и однозначности личностного авторского смысла, выраженного в тексте, а это различие и стараются упразднить постмодернисты. Смысл в своем сознании видит и выражает при помощи текста человек, и необходимо целое искусство, для того чтобы научиться адекватно проникать в мир авторских смыслов.

Разумеется, у различных читателей – свои разнообразные актуальные проблемы, и один и тот же авторский смысл будет иметь для них разную значимость. Этого никто не оспаривает. Но! Мы доказываем, что в тексте присутствует конкретный авторский смысл, он один, и он не меняется, а значимостей авторского смысла для разных людей много, и они меняются [1, с. 231]. Значимость – это соотношение авторского смысла с иным содержанием, читательским смыслом и его уровнем развития, иной культурой, другой эпохой. К. Ванхузер отмечает, что читатель может соблазниться самолюбованием, сосредоточением своего внимания на переживании собственной значимости по поводу авторского смысла и увлечься индивидуальной интерпретацией. Поэтому он делает вывод: попытку объяснить или опровергнуть текст не следует путать с попыткой понять текст. Объяснить, почему автор что-то сделал, не одно и то же, что понимать, что именно он сделал. Намерения автора отличаются от результата его действий.

Авторский смысл конкретен для читателя однозначностью значения в его исторической ситуации, и это один из вариантов видения реальности. Вместе с тем, если читатель текста намерен отказаться от поиска этой смысловой позиции автора, он рискует потерять личностный контакт с автором, что приведет в итоге к использованию читателем не семантического (смыс-

лового) подхода к пониманию текста, а семиотического (знакового). К. Ванхузер в подтверждение этой основополагающей герменевтической закономерности ссылается на авторитет Апостола Павла: «Дух животворит, а буквы убивают» (2 Кор., 3.6) [3, с. 1380].

Последовательно отстаивая позицию необходимости постижения авторского смысла, К. Ванхузер обращается и к теории речевых актов Ж. Серля. Согласно его мнению, когда мы говорим о положении тех или иных вещей, пытаемся понудить кого-либо к действию, обещаем совершить что-либо, выражаем свои чувства или отношения, высказываемся, чтобы что-то изменить, то обращаемся к личности человека. Это значит, что слова с их этимологией и точным значением одни и те же, форма предложения одна и та же, а контекст и употребление этих слов разные, непосредственно связанные с личностью автора. Слова и «протокольные предложения», о которых Л. Витгенштейн и М. Хайдеггер говорили, что «они дом бытия и определяют бытие вещей», не тождественны какому-то конкретному смыслу. Смысл выражается не столько в литературном предложении, сколько в определенном личностном и историческом контексте автора.

Дело в том, что природа текста, которая определяется автором, обладает сутью (содержанием), энергией (силой) и целью (эффектом воздействия). В связи с этим текст как один из видов коммуникативной деятельности может быть использован автором как и в благих целях, так и на зло. Истинное толкование авторского смысла превращает материю текста в энергию сознания читателя, меняет его отношение к осмысленному предмету потому, что вторым источником смысла наряду с намерением (целью) автора сам по себе текст выступать не может. К. Ванхузер пишет: «Если подходить к проблеме постижения авторского смысла со словарем, который не описывает ни личного намерения говорящего, ни безличную языковую систему, а лишь фиксирует интенции многих разных личностей, говорящих в разных ситуациях, то мы ничего не достигнем» [1, с. 215]. И можно вполне согласиться с К. Ванхузером в том, что нам, в конце концов, необходимо научиться переходить от физики к семантике посредством коллективной интенции, поскольку замысел автора и общественное внимание на повторяющуюся проблему определяют смысл текста. Для природы, пишет Ванхузер, вилка – это физический кусок металла, который весит пять граммов, но вилкой для еды она будет по отношению к обществу, которое отвело ей такую роль и закрепило за ней языковое название. Другое первобытное сообщество отводило ей, возможно, роль оружия и договаривалось указывать на нее другим набором звуков. С точки зрения лингвистики она получала другой лексический смысл.

Размышляя о проблеме выделения авторского смысла в тексте, связанного с коллективным наименованием, К. Ванхузер снова ссылается на Л. Витгенштейна и Дж. Сёрля и справедливо задается вопросом: «Попробуйте сказать "тепло", когда холодно». Из чего он делает вывод, что коллективное соглашение по использованию языка четко работает для выражения смысла [1, с. 213]. Дж. Сёрл развил эту мысль и пришел к логическому заключению, что язык помогает читателю сделать коллективную интенцию (направленное внимание) собственной. Таким образом, для итогового установления смысла речевого потока нам важна интенция автора (предметная направленность его внимания) и социальные конвенции его исторической эпохи. К. Ванхузер полагает, что теория речевых актов Дж. Сёрля подводит нас к самой сути проблемы постижения авторского смысла. Эта теория указывает, что для читателя важно даже не психологическое намерение автора, но его реальные действия в конкретной исторической ситуации (пропозиции) высказывания текста. Устанавливая смысл, читатель фиксирует то, что автор уже сделал в тексте.

Следовательно, в основе постижения смысла текста – постижение личности и результата ее деятельности. Нас интересует личность в действии, то есть что говорящий сделал во время разговора и написания текста, а не его эмоции и планы, которые являются вторичными для выяснения авторского смысла. К. Ванхузер пишет: «Все утверждения о том, что в тексте имеется ссылка на некий предшествующий текст, что он ироничен или что он – художественный, а не документальный, логически и онтологически зависят от того, что на самом деле делал автор» [1, с. 226].

На этом повороте нашего рассуждения важно отметить, что и дискурс, и интенция, и психический фон автора могут не совпадать. Поэтому для нас важна процедура выявления поступка автора, того, что он уже сделал и в чем он уже утвердился. Для нас важно, кто он, автор, и что он сделал в жизни. Зная поступок автора, мы можем определить направленность его внимания и его позицию. Следовательно, смысл есть слово, высказанное с определенной позицией и намерением автора, в котором виден его поступок. Вот как подтверждает эту мысль К. Ванхузер: «Я могу увидеть пропозиционное содержание фразы "Моисей, идущий в Египет" по-

разному: могу придать ему силу утверждения, вопроса, приказа и так далее. То, как я воспринимаю эту пропозицию, и есть моя интенция. В самом деле, большей части смятения в герменевтических дебатах можно было бы избежать, обращаясь к понятиям авторского **внимания** или "смысла, **воспринятого автором**"» [1, с. 216]. Только итоговый поступок собеседника укажет нам на конкретный смысл того, что он имел в виду. Например, для сравнения, эгоистично настроенная теща, высказывая фразу: «Я хочу, чтобы моя дочь была счастлива», может иметь в виду вовсе не то, что объективно сделает ее ребенка счастливым. Это подтверждается ее же словами, когда сама она говорит о том, что в жизни у нее ничего не получается, что, когда выгоняла зятя из квартиры, хотела как лучше, а получилось как всегда. Вывод прост: наводящими вопросами у собеседника мы узнаем о целях и результатах его жизни; учитывая и слова, и их эмоциональный фон, мы моделируем авторский контекст и постигаем авторский смысл.

На этот очень важный момент К. Ванхузер обращает особенное внимание в своей книге. Он совершенно справедливо утверждает, что смысловая позиция автора, его эмоциональный настрой, социальный и исторический контекст выясняются именно тогда, когда читатель вступает в личностный диалог с автором и начинает задавать дополнительные, наводящие на авторский смысл вопросы, через которые мы узнаем о совершенном поступке. Эта мысль К. Ванхузера очень глубока и имеет важное практическое значение. Дело в том, что совершенный поступок автора – это его реальная история, и читатель, заставляя свою читательскую мысль отрывать от собственного «я» и собственного виртуального мира, практикуется выходить за пределы своего индивидуализма и в процессе обращения к авторской индивидуальности концентрировать свое внимание на реальности. С точки зрения практического руководства к действию К. Ванхузер подчеркивает, какие это могут быть дополнительные, наводящие на авторский смысл текста вопросы. Он приводит в пример Мойзеса Сильву. Говоря о контексте, открывающем смысл текста, читатель может задавать при этом три вопроса: «Что это? Что оно делает? Насколько велико его действие и результат?» [1, с. 220]. Это значит, что через адекватное восприятие текста читатель способен увидеть направленность действий автора, его намерения и уровень силы (иллюзия этого намерения) что-то исполнить. И то, о чем говорит К. Ванхузер, далеко не ново.

Вот как о том же пишет, к примеру, американский философ Рудольф Арнхейм: «Посмотрите на рисунок, перед нами окно, внутри которого мы видим ствол березы.

Смысл очертания, изображенного на рисунке, внезапно меняется, если нам сообщат, что это шея проходящего перед окном жирафа. В этом случае словесное описание оживляет следы визуальной памяти, которая в достаточной степени схожа с изображением на рисунке, и устанавливает с ними контакт.

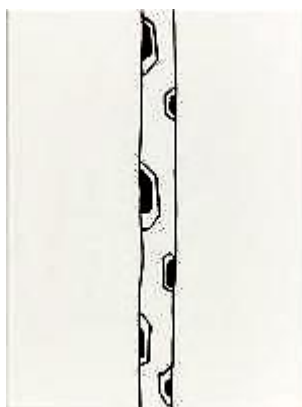

Рисунок 1.

Под влиянием этого контакта изображение с неясными пространственными очертаниями приобретает вид, который способствует еще более сильному сходству следов памяти и изображения на рисунке» [2, с. 61]. Одно дополнительное слово из наводящего вопроса – и смысл воспринимаемого текста меняется на противоположный. Поэтому, если нас действительно интересует, что говорящий нам автор имеет в виду, необходимо находить время для последовательных вопросов. К примеру, когда мы смотрим на кусок сахара на столе, нам не известно одномоментно, что он белый, твердый и сладкий, на все последовательные действия с ним необходимо время. И только после того, как мы уловили, поняли, так сказать, направленность действий автора, нам пристало использовать как инструменты и слова, и эмоции, и логику для выяснения авторского смысла. При этом авторский смысл всегда совпадает с тем, что автор сделал, а авторское намерение не следует путать ни с тем, что автор планировал сделать, ни с тем, что планировал написать.

Таким образом, смысл определяется тем, на чем в актуальный момент времени сосредоточено авторское внимание. Об этом, к примеру, для сравнения, пишет А.Ю. Агафонов в своей книге «Основы смысловой теории сознания», цитируя своего учителя В.М. Аллахвердова: «Кто-то же смотрит на расположенный в мозгу экран? Пусть даже существует... некое загадочное внутреннее "Я". У него есть что-то наподобие глаз? И тогда внутри него тоже есть экран? Но кто же тогда смотрит на этот экран?» [4, с. 52]. Когда речь идет о способности воспроизведения места, которое занимает реальный объект в пространстве отражения, мы смеем утверждать, что

разные объекты не могут обладать одним и тем же местом, которое в определенной системе отсчета обладает монопольной принадлежностью данного объекта. Иными словами, здесь и сейчас без всяких планов говорящий своими жестами и положением тела, эмоциями и словами показывает свой глубинный авторский смысл, то единственное место в пространстве своего сознания, куда он смотрит и что конкретно он имеет в виду. Сам того не замечая, автор показывает свое время, исторический контекст, социальное положение, господствующую идеологию, убеждения, интересы, эмоции – но! все это нужно учитывать только как условия видения того, на чем именно и в каком контексте остановился своим вниманием автор. Подобно тому, как мы смотрим на детали конструктора и четко определяем в своем сознании, какую поделку мы имеем в виду и желаем сконструировать.

С точки зрения временной последовательности, когда читателем найден авторский смысл, то есть совершенство им какого-либо действия, и определен результат этого действия, определена сила авторского внимания, только после этого целесообразно задаваться вопросом о значимости авторского смысла лично для него. Между тем большинство людей, представителей современного общества массовой культуры, уже давно привыкли верить сиюминутным новостям и переживать собственные оценки этих новостей на основе телевизионных сообщений, рекламы или красиво оформленной книги, даже не озадачиваясь поиском авторского смысла личными вопросами, способными спустить недумавших людей с небес их виртуальных миров на землю герменевтической реальности.

То, о чем говорит К. Ванхузер, очень важно. Для выявления авторского смысла в тексте читатель сквозь слова и эмоции может определять авторский культурный контекст [1, с. 233]. Верно определив исходно авторский контекст, можно утверждать значимость авторского смысла и для современного контекста, никто на это право читателя не посягает. К. Ванхузер отстаивает главную идею: ее суть в том, что сама возможность определения современных контекстов и значимостей неразрывна связана с выявлением авторского контекста и смысла текста [1, с. 243]. Если читатель не будет стремиться к такому выявлению, то его понимание текста будет искаженным, фрагментарным и он будет похож на рассматривающих обрамление зеркала, но не желающих посмотреть, что именно в нем отражено. Отказ от желания видеть содержание отраженного образа в зеркале и блуждание ума в различных оценках и словесных выражениях по поводу орнамента этого зеркала – это не цель понимания. Цель понимания в том, чтобы увидеть содержание конкретного отраженного образа в зеркале, но не его орнамент, не имеющий ничего общего с одним единственным конкретным отраженным в зеркале образом. Следовательно, знания о тексте и его различные интерпретации могут быть полезны только в том случае, когда они позволяют читателю понять, о чем сам текст. Между тем, если предположить, что эта закономерность очевидна для всех, то мы впадем в заблуждение. Это далеко не так. И по сей день нам пытаются на страницах авторитетных изданий внушить веру в так называемую «теорию множественности истин» [6, с. 75-81].

Дело в том, что понятие истины указывает на конкретное действие автора в определенный момент человеческой истории. И если читатель, воспринимая текст, все же решится игнорировать позицию личности автора, содержание его высказывания в авторском контексте и силу его сообщения, значит он с неизбежностью будет изолирован и от различия интересных событий в конкретной ситуации в определенной исторической эпохе, которые реально описываются в авторском тексте. Другими словами, если читатель лишит себя реальности различия авторского смысла и будет воспринимать слова не в том смысле, в каком употреблял их автор, то это будет уже не расширение смысла, за что так ратуют постмодернисты, а неудачное общение ни о чем [1, с. 297].

И наоборот, погрузиться в разнообразный мир читательских интерпретаций, о чем рьяно беспокоятся проповедники защиты прав человека, читателю возможно лишь в том случае, когда в начале он определит авторский контекст и более точно выявит для себя смысл его высказывания, поймет волю и цель авторского видения. С точки зрения К. Ванхузера, помогает решить эту задачу стиль и жанр текста. При этом, отмечает Ванхузер, для достижения последней цели очень эффективен в применении специфический стиль художественного текста, который способен изменять смысловую картину собеседника (читателя): «Литература – и историческая, и художественная – помогает лучше понять положение человека. Она – лаборатория человеческих возможностей» [1, с. 239].

Приказ, утверждение, шутка, ирония, притча и т.д. как различные модификации авторского стиля способствуют установлению личностного контакта читателя с автором. Если в начале книги К. Ванхузер доказывает актуальность поиска читателем устойчивого личностного контакта

с автором для определения авторского смысла, то в конце он приводит аргументы: развитая герменевтическая культура личности, позволяющая понимать смыслы авторских высказываний, просто жизненно необходима для каждого из нас в любой сфере человеческой деятельности. Такой вывод подтверждается тем, что без личностного общения никакого другого общения не существует. И этот вывод позволяет нам сделать следующее умозаключение: правдивое и верное свидетельство читателя о постигнутом авторском смысле текста (говорящего человека) осуществляется только методом коммуникативной деятельности автора и читателя, итогом которой является умение читателя выявлять цель и видение говорящего с тобой автора.

Понимание текста, по Ванхузеру, это не только вопрос языковой игры какой-то части слова в определенном авторском контексте, не только выявление сосредоточенности авторского внимания на предмете разговора и именно того, что имел в виду автор (выявление смысла), это не только познание социокультурного контекста (мировоззрения) автора, не только определение его эмоционального состояния и характера, но и восприятие стиля авторского высказывания – **это установление контекста сотрудничества личности читателя и автора** (выделено мной – С.Г.). К слову говоря, о концепции «сотрудничества» или «соработничества» впервые начали говорить отнюдь не педагоги XX века, как у нас это принято считать, а, к примеру, Апостол Павел, который писал в послании к Коринфянам: «Мы соработники у Бога» (1 Кор.3, 9) [3, с. 1364], в послании к Колоссянам: «Я и тружусь и подвигаюсь силою Бога, действующего во мне могущественно» (Кол.1, 29) [3, с. 1404], в послании к Филиппийцам: «Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению» (Флп.2, 13) [3, с. 1401]; о том же писали такие наставники и учителя православной Церкви, как преподобные Макарий Великий [7] и Иоанн Кассиан Римлянин в IV в. н.э. [8]. Под понятием «соработничество», или «синергия» (от греч. вместе действующий), они понимали совместное усилие человека и Бога в деле подвига и спасения, которое означает содействие Божией благодати и свободной человеческой воли.

Именно для достижения подобного соработничества между автором и читателем, установления личностного контакта между ними и необходимо, по мысли К. Ванхузера, овладение читателем авторским стилем текста, который управляет дискурсом в общей и частной форме: «Жанр текста и его стиль, – пишет он, – это мост между авторским и читательским смысловыми горизонтами, который их соединяет в коммуникативной деятельности определенного режима (стиля)» [1, с. 303]. «Жанр посылается автором в начале текста и позволяет читателю определить форму и вид мышления автора, перспективу постоянного личностного общения и в конечном итоге конкретный смысл» [1, с. 309].

В заключение своей книги, сопоставляя ряд высказываний герменевтов о постижении смысла текста, таких как, например, У. Уимстона, у которого текст является якобы самостоятельным источником знания, независимо от авторского происхождения (иллюкуция) и результата воздействия на читателя (перлюкуция), критикуя подобные умозаключения, не позволяющие вступать читателю в личностный контакт с автором, Ванхузер приводит в пример высказывания ряда крупных авторитетных философов, продвигавших идею постижения авторского смысла – М.М. Бахтина, Г. Гадамера и П. Рикёра.

Суть высказываний этих философов заключается в том, что для определения авторского смысла текста для читателя важно не только вступать в личностный контакт с автором, но и преодолевать барьеры, препятствующие достижению адекватного понимания смысла текста: временные, языковые, культурные, политические. Устраняя эти барьеры, читатель способен открывать для себя смысл автора, обновлять внутреннюю герменевтическую культуру личности и усовершенствовать себя.

Проанализировав наиболее выразительные высказывания К. Ванхузера из его книги «Искусство понимания текста. Литературоведческая этика и толкование Писания» можно сделать обобщающий вывод: сегодня, в век информационных войн современному человеку как никогда жизненно необходимо научиться различать авторские смыслы любых текстов, с которыми он имеет дело для того, чтобы руководствоваться в своей деятельности не сиюминутными эмоциональными переживаниями и красивыми словами, а более или менее адекватно понятыми авторскими смыслами.

Автор статьи полагает, что для выявления авторского смысла текста необходимо быть и психологом, и филологом, но прежде всего философом, даже не заканчивая никаких университетов. Это значит, что для понимания и выявления собеседником (читателем текста) того, что имеет в виду автор, он должен учитывать и лексику его высказывания, и эмоциональный фон его психического состояния, и контекст речевого потока, и социальное положение, но при этом все эти составляющие необходимо уметь верно складывать в конкретный авторский контекст,

подобно тому, как в детском конструкторе одни и те же детали, представляя собой одно и то же в отдельности, при различном комбинировании могут выражать совершенно разный смысл.

В связи с этим автор статьи предлагает для выяснения читателем авторского смысла пользоваться не только набором слов на бумаге или в речевом потоке, собственными оценками и эмоциональными переживаниями, а практиковаться проникать в авторский смысл текста в социально-психологическом и личностно-коммуникативном контекстах в каждой конкретной жизненной ситуации.

Герменевтические знания и навыки, полученные в результате подобной практики, то есть развитая герменевтическая культура личности, позволит нам избегать обычно повторяющихся ошибок, которые устанавливают только барьеры в межличностном общении людей и препятствуют постижению любого конкретного авторского смысла текста.

Вывод, который мы сделали, вполне ожидаемый и естественный. Это подтверждается тем, что тема, затронутая К. Ванхузером, о практике проникновения в авторский смысл текста посредством межличностного общения автора и читателя была актуальна и интересна еще для мыслителей античности, таких как Платон и Аристотель, для учителей Православной Церкви, таких как преподобные Макарий Великий и Иоанн Кассиан Римлянин, как святители Василий Великий и Блаженный Августин, которые в свое время, будучи глубоко образованными людьми, были непосредственно связаны с традициями древнегреческой философской школы. В связи с этим можно утверждать, что все попытки новоявленных разрушителей авторских смыслов приучить современное поколение людей отказываться от личного общения с автором текста идут в разрез с мнениями не только современных ученых, но и с многовековым опытом философов европейской культуры. Автор статьи считает, что эти попытки ни к чему не приведут, потому что явление это в истории философии временное и, будем надеяться, оно скоро пройдет благодаря трудам таких выдающихся мыслителей современности, как Кевин Дж. Ванхузер.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ванхузер Кевин Дж. Искусство понимания текста. Литературоведческая этика и толкование Писания / Пер. с англ. – Черкассы: Коллоквиум, 2007. – 736 с.
2. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие / Пер. с англ. В.Н. Самохина. – М.: Прогресс. 1974. – 392 с.
3. Библия Православная. – М.: Российское Библейское Общество, 2006. – 1454 с.
4. Агафонов А.Ю. Основы смысловой теории сознания. – СПб.: Речь, 2003. – 296 с.
5. Давыденков Олег иерей. Догматическое богословие. Курс лекций. – М.: Изд-во Свято-Тихоновского богословского университета.
6. Петренко В.Ф. Конструктивизм как новая парадигма в науках о человеке. – М.: Вопросы философии. – 2011, № 6.
7. Добротолубие. Преподобный Макарий Великий. Т.1. / Состояние сотрудничества [Электронный ресурс] - URL: http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/dobrotol/tom_1/txt_12.html (Дата обращения: 5.07.2016).
8. Добротолубие. Святой Иоанн Кассиан Римлянин. Т.2. / О Божественной благодати и свободном произволении, как производителях духовной жизни [Электронный ресурс] - http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/dobrotol/tom_2/txt_16.html

REFERENCES

1. Vanhuzer Kevin Dzh. Iskusstvo ponimaniya teksta. Literaturovedcheskaja jetika i tolkovanie Pisanija Per. s angl.[The art of understanding the text. Literary ethics and the interpretation of Scripture. Ed. from English]. Cherkassy: Kollokvium, 2007. 736 p.
2. Arnheim R. Iskusstvo i vizual'noe vosprijatie. Per. s angl. V.N. Samohina. [Art and visual perception. Per. from English. V. N. Samokhina.]. M.: Progress. 1974. 392 p.
3. Biblija Pravoslavnaja. [Bible Is Orthodox]. M.: Rossijskoe Biblejskoe Obshhestvo, 2006. 1454 p.
4. Agafonov A. Yu. Osnovy smyslovoj teorii soznaniya. [Foundations of semantic theory of consciousness]. SPb.: Rech', 2003. 296 p.
5. Davydenkov Oleg ierej. Dogmaticheskoe bogoslovie. Kurs lekcij.[Dogmatic theology. A course of lectures]. M.: Izd-vo Svjato-Tihonovskogo Bogoslovskogo Universiteta.
6. Petrenko V.F. Konstruktivizm kak novaja paradigma v naukah o cheloveke. [Constructivism as a new paradigm in the Sciences of man]. M.: Voprosy filosofii. 2011, no. 6.
7. Dobrotoljubie. Prepodobnyj Makarij Velikij. T.1. Sostojanie sotrudnichestva. [Philokalia. St. Macarius The Great. Vol. 1. A state of cooperation]. Available at: http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/dobrotol/tom_1/txt_12.html (accessed: 5.07.2016).
8. Dobrotoljubie. Svjatoj Ioann Kassian Rimljanin. T.2. O Bozhestvennoj blagodati i svobodnom proizvolenii, kak proizvoditeljah duhovnoj zhizni.[Philokalia. Saint John Cassian The Roman. Vol. 2. .On divine grace and free will, as the manufacturers of the spiritual life]. Available at: http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/dobrotol/tom_2/txt_16.html

Информация об авторе

Гришин Сергей Николаевич, соискатель кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, настоятель храма прп. Серафима Саровского, г. Липецк, Россия
isgr1974@mail.ru

Получена: 17.09.2016

Для цитирования статьи: Гришин С. Н., Герменевтический реализм (размышления над книгой Кевина ДЖ. Ванхузера «искусство понимания текста. литературоведческая этика и толкование писания»). Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 5. Часть 1. с. 83-92. doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-5/1-83-92.

Information about the author

Sergey N. Grishin, competitor, Belgorod State National Research University, Department of Philosophy and Theology, the abbot of St. temple. Seraphim of Sarov,

Lipetsk, Russia
isgr1974@mail.ru

Received: 17.09.2016

For article citation: Grishin S.N. Hermeneuticheskiy realizm (razmyshleniya nad knigoy Kevina DZh. Vanhuzera «iskusstvo ponimaniya teksta. literaturovedcheskaja jetika i tolkovanie pisanija»). [Hermeneutic realism (reflections on the book of Kevin J. Vanhoozer «the art of understanding the text. literary ethics and the interpretation of scripture»)]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 5. Part. 1. Pp. 83-92. doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-5/1-83-92. (in Russian)